

ГЛАВА 4

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ФОРМ СИНТАКСИЧЕСКОГО СОГЛАСОВАНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ: PER ASPERA AD ALTERNATIONEM

Насколько бы синкретичным ни было восприятие у современных взрослых, у них оно встречается гораздо реже, чем у детей (и тем более антропоедов) и первобытных (или древних) людей. Современные цивилизованные дети в свою очередь превосходят первобытных (древних) взрослых и за считанные годы достигают перцептивного и, как следствие, логического уровня цивилизованных взрослых, постепенно становясь ими. Цивилизованное человечество, постепенно развиваясь из детского первобытного состояния в современное, тоже взрослеет. Постепенно перцептивно-логически прогрессируют даже первобытные люди, очень медленно приобщаясь к влияющей на них современной цивилизации (но только в случае, если такое влияние действительно имеется, чего нельзя утверждать, например, в отношении всех индейцев Амазонии, различных этносов, живущих на Крайнем Севере, или африканских масаев и бушменов). Эти явления в основной своей массе не могут не обуславливать предположения относительно их идентичности с судьбой русского синтаксического согласования. Обратимся к его истории (изложенные в настоящей главе сведения в некоторой мере отражены в [Попов 2012]).

В истории русского синтаксиса в целом можно видеть поступательное движение грамматического строя русского языка к логической ясности. Как заметил Ф.И. Буслаев, говоря о русском синтаксисе не далее чем XIX века, «синтаксис новейшей книжной речи отличается от синтаксиса древнего и народного языка большею простотою и однообразием в правилах управления и согласования слов» [Буслаев 1959: 268]. Несложно прийти к допущению, что русский синтаксис начала XXI века имеет прогрессивные отличия от русского синтаксиса прежних столетий.

4.1. Явления древнерусского синтаксического согласования, не сохранившиеся в современном русском литературном языке

Начнем обзор с древнерусских примеров, согласованием в современном понимании не являющихся, но позволяющих понять механизм такого согласования. Речь идет о повторе предлогов и сочинительных союзов (например, *поклон от князя от Михаила; в серебро мешати медь*

и олово и свинец). Встречается такой повтор (да еще и с постпозицией союза) и в говорах: *реску режим ис салом и из аржаной; Олександром да, да Григорьём, да Миколаем да* [Шапиро 1953: 130, 234]. Многиеистики языка фиксируют это явление (см., например, [Потебня 1985: 189; Булаховский 1958: 404–405; Стеценко 1977: 109–111]). А.А. Шахматов даже считает, что повтор предлога подчеркивает «согласование приложения и определяемого слова», «уподобление определения определяемому слову» [Шахматов 1941: 288, 308]. Но далеко не все исследователи выясняют причину такого повтора. Объяснить причину повтора предлога берется Н.П. Гринкова: на примерах купчих грамот она объясняет повтор предлога стремлением говорящих логически выделить каждое слово в именном словосочетании [Гринкова 1948: 93–103]. В.И. Борковский объясняет такой повтор по сути тем же: стремлением «подчеркнуть данные слова, обратить на них особое внимание» [Борковский 1965: 450]. Это, по всей видимости, действительно первое, что приходит на ум при первом взгляде на данное явление (согласно перцептивному закону близости — при ПВ). Но тогда остается выяснить, почему такое простое логическое выделение сейчас почти не используется. П.Я. Черных видит причину повтора предлогов и союзов «не столько в стремлении подчеркнуть отдельные члены предложения, сколько в характере мышления древнерусских людей», сущность этого характера не объясняя [Черных 1962: 323–325]. Опираясь на данные предыдущих глав, мы можем объяснить особенность этого «характера мышления» следующим образом. Говорящий мог если не забыть следующее за первым слово, то не обратиться на выражаемое им понятие должного внимания, то есть не воспринять его, и потому повторял предлог перед этим словом, таким образом закрепляя существование последнего «для надежности», не осознавая, что употребления одного предлога для этого достаточно. Так же, употребляя союз *и* первый раз, говорящий не осознавал (не предвидел абстрактно), что следующее за этим союзом существительное — в перечислении не последнее. Предложенное Н.П. Гринковой и В.И. Борковским объяснение приведенному нами никак не противоречит: на фоне объяснения повтора неразвитостью абстрактного мышления объяснение повтора стремлением логически выделить какое-то слово выглядит конкретным примером указанной неразвитости. Аналогичным образом дошкольников и учеников младших классов заставляют многократно и вслух повторять простые теоретические положения — «чтобы лучше запомнились». Именно в этом «жанре» пишутся стихи для детей, например таково знаменитое стихотворение К.И. Чуковского «Мойдодыр», намеренно переполненное лексическими повторами.

А.А. Потебня отдельно оговаривает странность для современных ему носителей русского языка постановки сочинительного «союза между словами, соединенными атрибутивно», например *Назвала дружка горькой пьяницей, Горькой пьяницей и пропойцей* (из русской народной песни). А.А. Потебня называет в таких случаях союзы «плеонастическими частицами, заполняющими собой пробелы мысли» [Потебня 1968: 216–247], но это образное утверждение выглядит неоправданным, ибо звено, связывающее одинаковые мысли, трудно признать заменой мысли. Повтор мысли посредством сочинительного союза осуществляется не потому, что нечего больше сказать (нет-де мысли), а потому, что, как мы уже показали в предыдущем абзаце, согласно примитивным, неабстрактным представлениям «повторенье — мать ученья», оплот убедительности и надежности. И это явление посредством АИВ было изжито.

Логично (в результате АИВ) покинули русский синтаксис «странные случаи соединения подлежащих-существительных мужского и женского рода со сказуемым прилагательным среднего рода», например *грех сладко, а человек падко* [Чернышев 1970: 194]. В.И. Чернышев, критикуя объяснение Ф.И. Буслаева, предложившего неприемлемую причину употребления среднего рода прилагательных в таких случаях: «Если сказуемое относится вообще к понятию, выражаемому существительным в подлежащем, то ставится в ср. р. ед. ч., как в форме, наиболее соответствующей отвлеченному понятию» [Буслаев 1959: 446], — и обращая внимание на то, что «в народе эти пословицы не встречаются», пришел к выводу, что эти странные употребления являются по происхождению кальками-эллинизмами, на некоторое время появившимися в просвещенных слоях общества [Чернышев 1970: 194–198].

Не стало достоянием литературного языка (под воздействием АИВ) нарушение согласования в сильно акающих говорах типа *худая вино, парная молоко, куриная яйцо, чистая лицо, дорогая ружье*, то есть согласование существительных ср. р. даже с ударной флексией на -о в ж. р., в котором — в устной речи, не находящейся под влиянием письменной, — воспринимаются слова ср. р. прежде всего с клитичной флексией -о. На первый взгляд, к этому приводит невосприятие носителями таких говоров ударения существительного как дифференциального признака, существенного для согласования с ним в роде (СВ). Однако можно допустить и то, что исчезновение формы ср. р. в таких случаях свидетельствует о тенденции к бинарности грамматического рода как м. р. и ж. р. (это наблюдается, например, в современном французском). Впрочем, считать это допущение основательным мешает тот факт, что в косвенных падежах рассматриваемый ж. р. прилагательных не сохраняется: *маево села, баышова окна* [Там же: 199–204].

Примеры несогласования в роде в говорах типа *мое жеребенок, одно ягненок, больное ребенок* В.И. Чернышев логично объясняет тем, что попадает в поле зрения исследователя прежде всего: и инерцией рода первоначальных форм *жеребя, ягня, робя*, и влиянием рода уменьшительно-ласкательных форм *жеребятко, ягнятко, дитятко* [Там же: 204–205]. Логично также допустить, что ср. р. — и в начальных, и в более поздних названиях детей и животных — обусловлен корреляцией ср. р. с ранней неодушевленностью таких названий.

Не сохранилось (в силу АИВ) в русском языке и не приводившее к затруднениям в коммуникации согласование прилагательных в ж. р. с числительными, которое встречалось даже в речи М.В. Ломоносова, например *каждую пять лет, всякую полгода* (СВ; с тех пор числительные на *-ть* склоняются по женскому типу). А.М. Пешковский пишет прямо, что «слова *пять, шесть* и т. д. по форме своей, собственно, существительные единственного числа, как *кость, мякоть, пыль* и т. д.» [Пешковский 1956: 187]. Ф.И. Буслаев считал (и В.И. Чернышев с ним в этом солидарен [Чернышев 1970: 198–199]), что причиной прекращения подобного согласования стало развитое логическое и «отвлеченное» мышление [Буслаев 1959: 433–436]. Понятно, что причиной указанного прекращения стало развитие прежде всего не логического, а «отвлеченного» (= абстрактного) мышления, столь нужного для восприятия чисто количественного аспекта числительных, и лишь затем — на базе прогрессирующего абстрактного восприятия числа — развитие мышления логического. Как известно, с современными количественными числительными атрибутивы согласуются во мн. ч. (*каждые пять лет*), однако не без происходящих по аналогии преувеличений множественности в таких примерах, как *всякие полгода*, ведь *пол-* есть половина от *одного*, согласующегося в ед. ч. (*каждый год*, а не *каждые год**). Поскольку согласование во мн. ч. начинается с числовых значений, возрастающих от единицы (например, *каждые полтора года*), логично было бы ожидать, что числовое значение меньше единицы никак не должно иметь форму мн. ч., как не имеет ее слово *половина* (например, *Каждая половина года нравится мне по-своему*).

В древнерусском языке срабатывало исключительно семантическое согласование сказуемого с существительным, выраженным существительным ед. ч. с собирательным значением, но в основном в случае его одушевленности и «неживотности», что в целом соответствует стадиям развития категории одушевленности в русском языке (*храбрая дружина рыкають аки тури*) [Черных 1962: 307; Борковский 1965: 352–358; Стеценко 1977: 51–52; Историческая грамматика... 1978: 30–40; Иванов

1983: 379]. То есть абстрактное по своей сути грамматическое основание ед. ч. в то время носителями языка не воспринималось — они обращали внимание лишь на эмпирически очевидную множественность в лексических значениях собирательных существительных (ПВ). Однако с развитием АИВ и абстрактного мышления согласование меняется: «Постепенное угасание к XVII в. смыслового согласования при собирательных именах было связано прежде всего с общей тенденцией к усилению формально-грамматического согласования за счет смыслового» [Историческая грамматика... 1978: 35] (Л.А. Булаховский относит это «угасание» к середине XVIII века [Булаховский 1958: 317]). А.Б. Шапиро отмечает, что в русских народных говорах (середины XX века) наблюдается промежуточный этап в сфере данного согласования: если собирательное существительное обозначает совокупность предметов одушевленных — сказуемое согласуется с ним во мн. ч.; если такое существительное обозначает совокупность предметов неодушевленных — сказуемое ставится в ед. ч. [Шапиро 1953: 179–181]. То есть одушевленность воспринимается как показатель активности, и эта активность напоминает о множественности скорее, нежели неактивность неодушевленных предметов (к этой закономерности мы возвращаемся в следующем пункте настоящей главы). В современном же языке, как известно, все собирательные существительные демонстрируют грамматическое согласование со сказуемым: согласуются с ним только в ед. ч. (об этом специально пишет В.И. Чернышев примерно век назад [Чернышев 1970¹: 589]).

Определения при собирательных словах обычно имели и имеют форму ед. ч.: *храбрая дружина* (то же наблюдается в относительно современных народных говорах, изученных А.Б. Шапиро [Шапиро 1953: 180]). Мн. ч. в таких сочетаниях встречается редко: *множества народа неистовых, многие наша братья* [Булаховский 1958: 317]. В.И. Борковский объясняет это тем, что прилагательные имеют «большую формальную близость к собирательным словам, чем глагол» [Борковский 1965: 354; Историческая грамматика... 1978: 35].

В древнерусском языке обычным явлением было несогласование приложения в падеже: *А зовуть его Власкомъ, Ивановъ сынъ; продать одному рядку лазореву, поношена, золотаревская* [Ломоносов 1952: 554–555; Буслаев 1959: 451–456; Потебня 1968: 203–215; Стеценко 1977: 63]. Как можно видеть, приложение остается в именительном падеже, то есть в той начальной форме, в которой существительные и хранятся в памяти говорящего (в правом полушарии мозга). Неосознание необходимости согласования приложения в падеже со словом, к которому оно прилагается, как проявление грамматического противоречия (СВ), в современном

русском языке почти не встречается (еще А.А. Шахматов указывал на этот факт [Шахматов 1941: 287–288]). Чаще всего подобное несогласование еще наблюдается у слов, находящихся в скобках, например *Укажите место проживания (город, улица, дом, квартира)*, однако примеры Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) показывают, что постепенно грамматическим согласованием логично преодолевается и такая «преграда», как скобки: *Укажите место проживания (город, улицу, дом, квартиру)* (АИВ).

При согласовании атрибутива в роде с субстантивом, имеющим уменьшительный суффикс, в древнерусском наблюдаются колебания, отмеченные еще М.В. Ломоносовым, который считал допустимыми сочетания атрибутивов с «презрительными умалительными» субстантивами типа *наш столишко* и *наше столишко*. В первом случае воспринимается род мотивирующего слова, во втором — мотивированного [Ломоносов 1952: 473–474; Историческая грамматика... 1978: 161–163] (ПВ). Согласование по роду мотивирующего слова (преобладающее в современном языке при АИВ) можно объяснить тем, что при такой деривации в лексическом значении происходит изменение не денотата, а коннотации, в силу чего грамматическое внимание такому малозначительному изменению не уделяется и род мотивирующего слова сохраняется в роде мотивированного слова. Разумеется, такое понимание родовой принадлежности слова типа *столишко* возможно лишь при мыслительной операции логичного абстрагирования от окончания такого мотивированного слова — ср. р. Аналогичное по своей природе абстрагирование происходит при согласовании в обращениях на Вы. На ед. ч. прилагательного в таких случаях обращает внимание А.А. Шахматов и приводит пример из романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»: *«Какой вы добрый; вы артист. Вы сегодня не такой, каким я вас видела до сих пор»* [Шахматов 1941: 250]. Ед. ч. здесь употребляется потому, что говорящий абстрагируется от формы мн. ч. у *вы*, считая более логичным показать в определении действительную единичность адресата (АИВ).

4.2. Согласование в числе с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием

При согласовании с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием, постпозитивного атрибутива, в данном случае — причастия, возможны употребления типа *два стола, купленных вчера* или *двадцать четыре автомобиля, участвующих в соревновании*, демонстрирующие согласование в род. п. вместо им. или вин. п. Оно обусловлено ориентацией причастия на ближайшее к нему существительное, то

есть является демонстрацией ПВ, но вряд ли может быть признано корректным. Во-первых, в этом случае вне восприятия оказывается несущее важную информацию числительное. Во-вторых, в препозиции наблюдается им. или вин. п. (исключения, как известно, составляют слова с количественным значением типа *целый, полный, долгий*): *купленные вчера два стола, участвующие в соревновании двадцать четыре автомобиля* — в этом случае атрибутив ориентируется на мн. ч. не только числительного, но и всей управляющей конструкции, которая, по всеобщему признанию, является единым подлежащим с количественно-именным значением. В-третьих, в параллельной причастному обороту конструкции с союзным словом *который* оно употребляется только в им. или вин. п.: *два стола, которые куплены вчера* или *двадцать четыре спортсмена, которые приехали на соревнование*.

В отношении таких же сочетаний со сказуемым дело обстоит сложнее.

Уже век назад А.М. Пешковский констатировал, что «глагол иногда не согласуется в числе с подлежащим» [Пешковский 1956: 187]. В древнерусском такие подлежащие (включающие лишь «одушевленночеловеческие» существительные), как и слова с собирательным значением, демонстрировали только семантическое согласование со сказуемым, то есть употреблялись во мн. ч. [Шахматов 1941: 257; Историческая грамматика... 1978: 24–25]. А.Н. Стеценко фиксирует во всех случаях таких сочетаний оба числа сказуемого [Стеценко 1977: 52]. В современном русском языке такие употребления тоже вариантны: сказуемое в них встречается и в ед., и во мн. ч., например *несколько человек пришло* — *несколько человек пришли*. Это первый в нашем изложении случай альтернативно-диспозитивного восприятия (АДВ): проблему выбора ставит грамматико-семантическая неопределенность числа подлежащего.

Условия употребления таких вариантов интересуют исследователей уже несколько десятилетий (показанные далее соображения отчасти отражены в [Попов 2005]). Исследования таких вариантов особенно активно проводились в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого века (см. литературу в [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 34–35]). Именно тогда был продемонстрирован богатый иллюстративный материал, содержащий указанные варианты, взятый в основном из газетно-публицистической речи, были представлены результаты наблюдений за их употреблением, в частности названы факторы, влияющие на выбор того или иного варианта числа сказуемого. Итоги проведенных исследований были отражены в обобщающей работе В.А. Ицковича [Там же: 33–39]. Описываемые варианты согласования автор разделил на несколько типов: *ряд человек сидел* — *ряд человек сидели, большинство людей*

стремилось — большинство людей стремились (слово *людей* добавлено нами, поскольку без зависимого существительного в родительном падеже множественного числа, как это наблюдается в рассматриваемой работе, данный тип выглядит структурно неполным), *пришло несколько человек — пришли несколько человек, работают сто человек — работают сто человек, около миллиона человек бастует — около миллиона человек бастуют, учится более ста человек — учатся более ста человек*. По разным типам вариантов согласования приведены приблизительно однотипные перечни факторов, влияющих на выбор того или иного варианта. Сведение их в один набор, состоящий из двух групп, дает следующую многокритериальную картину (примеры взяты из рассматриваемой работы):

1. Факторы, влияющие на согласование сказуемого в единственном числе:

- 1.1) грамматическое значение единственного числа у главных членов *ряд, большинство* и у словоформы *миллиона*: *Ряд хозяйств запоздал с уборкой свеклы; Большинство слушателей выполнило в срок все работы; Около миллиона человек бастует;*
- 1.2) пассивность подлежащего или сказуемого: *В изменениях правил допущен ряд недостатков; Прошло несколько минут;*
- 1.3) близость сказуемого к подлежащему: *Большинство греков было возмущено этой закулисной интригой;*
- 1.4) препозиция сказуемого: *Его опередило несколько лыжников; Работает сто человек;*
- 1.5) совместность действия подлежащих: *Большинство дачников уехало вечерним поездом;*
- 1.6) указание сказуемым на факт наличия, существования: *В нашей стране издается более 80 журналов по различным отраслям сельского хозяйства;*
- 1.7) стремление обратить внимание на количество, названное в подлежащем: *В результате наводнения погибло 25 человек.*

2. Факторы, влияющие на согласование сказуемого во множественном числе:

- 2.1) наличие при словах *ряд* и *большинство* постпозитивного определительного оборота с главным словом — причастием или прилагательным в форме множественного числа: *Ряд видных деятелей, выступивших на суде в качестве свидетелей, высоко отзывались о моральных качествах и патриотизме Глезоса; Большинство людей, живущих сегодня на свете, застали уже хотя бы ранние зачатки настоящей авиации;*

- 2.2) наличие при подлежащих *ряд* и *большинство* однородных зависимых существительных в форме множественного числа: *Ряд штангистов, борцов, легкоатлетов, пловцов неоднократно занимали призовые места; Большинство из ритуалов и праздников, которые описывают авторы, еще далеки от совершенства;*
- 2.3) удаленность сказуемого от подлежащего: *Ряд делегатов от западных стран, в том числе Англии, США, пытались воспрепятствовать принятию антирасистских резолюций;*
- 2.4) активность подлежащего или сказуемого: *Ряд жирондистских ораторов продолжали настаивать на неприкосновенности короля; Прошли несколько человек; Выступят более ста спортсменов;*
- 2.5) раздельность действий подлежащих: *С началом учебного года большинство дачников перебрались в город;*
- 2.6) выражение сказуемого кратким прилагательным: *Несколько статей в этом сборнике интересны;*
- 2.7) препозиция подлежащего: *Более ста человек погибли в результате катастрофы.*

В работе В.А. Ицковича постоянно подчеркивается, что перечисленные факторы лишь способствуют употреблению варианта единственного или множественного числа, но не диктуют его однозначно, чем и констатируется отсутствие более четких предписаний по употреблению этих типов вариантов. Наши наблюдения показывают, что разнообразием указанных критериев при выборе варианта согласования носители языка в основном пренебрегают, отдавая предпочтение определенному универсально-семантическому критерию. Терминологически ближе других к нему факторы 1.2: пассивность подлежащего или сказуемого (и парный ему 2.4: активность подлежащего или сказуемого) — и 1.6: указание сказуемым на факт наличия, существования. Нам же более удачным представляется термин «деятельность-бездеятельность субъектов ситуации». Он позволяет учесть в одном наименовании ситуации не только физической, но и ментальной активности-пассивности субъектов и избежать термина «субъекты действия», когда речь идет о субъектах отношения, вполне соответствующего логическому квантору существования (значение 'есть — нет', или фактор 1.6: указание сказуемым на факт наличия, существования). Применение сформулированного нами критерия к приведенным типам вариантов согласования с учетом предложенных В.А. Ицковичем факторов, влияющих на согласование глагольного сказуемого в ед. или мн. ч., позволяет проверить действенность этого критерия.

Рассмотрим крайние случаи с постпозицией сказуемого: *Ряд/Большинство/Несколько/Сто/Около миллиона/Более ста рабочих и служащих, побывавших в том месте, перебираться туда отказался/отказалось* (подчеркивается только факт отказа субъектов ситуации = бездеятельность субъектов ситуации; факторы множественного числа 2.1–2.3 и 2.5 не сработали); *Ряд/Большинство/Несколько/Сто/Около миллиона/Более ста рабочих и служащих, побывавших в этом месте, перебираться туда отказались, громко сетуя на плохие бытовые условия* (подчеркивается сопровождающее отказ активное поведение субъектов ситуации = деятельность субъектов ситуации; наиболее надежный фактор единственного числа 1.1 не сработал).

Возьмем примеры с препозицией сказуемого и близостью сказуемого к подлежащему (классически сильные позиции для согласования сказуемого в единственном числе): *У подъезда стояло несколько автомобилей* (подчеркивается только факт наличия субъектов ситуации = бездеятельность субъектов ситуации); *У подъезда стояли несколько автомобилей и весело мигали фарами* (подчеркиваются действия субъектов ситуации, сопровождающие наличие, = деятельность субъектов ситуации; факторы единственного числа 1.3–1.5 и 1.7 не сработали). Задать (представить) ситуации деятельности-бездеятельности субъектов можно в отношении любого примера из приведенных выше, дополнив контексты необходимыми для той или иной ситуации уточнителями. Весьма примечательно, что Д.Э. Розенталь и его последователи, признавая активизацию семантического согласования в последние десятилетия, не всегда обращают внимания на контекстные показатели такой активности. Так, Ю.А. Бельчиков пишет: «По наблюдениям профессора Д.Э. Розенталя, в конце XX века глагол-сказуемое во множественном числе при подлежащем, выраженном счетным оборотом неопределенного множества, «чаще... указывает на активное действие и относится к подлежащему со значением лица...», напр.: *Десятка два мальчишек собрались на стадионе; С полсотни женщин вышли на проезжую часть улицы, протестуя против высоких тарифов*» [Бельчиков 2008: 246] (выделено нами). Совершенно очевидно, что второй пример выглядит гораздо естественнее первого, поскольку, в отличие от него, содержит показатель активности деятельности — деепричастный оборот. В другом месте все же находим прямое указание на употребление мн. ч., если «в предложении есть слова, подчеркивающие активность производителей действия», которое сопровождается примером *Ряд богословов с негодованием протестуют против экспериментов по клонированию человека* [Там же: 239]. Однако этот критерий упомянут здесь как один из множества других, а не как универсальный, к чему склоняется наше мнение.

На основании многолетних наблюдений мы можем предположить, что мыслительная операция говорящего в процессе выбора варианта рассматриваемого здесь согласования представляет собой восприятие ситуации, в центре которой субъект (неважно — одушевленный или неодушевленный с точки зрения морфологии) либо деятелен (в этом случае наблюдается категоризация множественности в левом полушарии мозга), либо всего лишь кванторно значится, числится, наличествует (нерасчлененный образ, формируемый правым полушарием мозга).

Предложенный нами критерий не работает, если в контексте присутствует определение при подлежащем — атрибутивный показатель неединичности субъектов ситуации, никак с процессуальностью не связанный, например *Эти несколько автомобилей стоят (но не стоит*) у подъезда; Построены (но не построено*) новые двадцать домов* (данный случай был описан Д.Э. Розенталем [Розенталь 1977: 198]). В этих примерах слишком явно противоречие между всегда мн. ч. такого определения и возможным ед. ч. сказуемого. Кроме того, это определение имеет форму им. п., то есть характеризует подлежащее, в свою очередь обуславливающее формы сказуемого, число которого в данном случае задается «через голову» неопределенного в количественном отношении подлежащего.

Таким же образом объясняется отсутствие в описываемых сочетаниях форм ед. ч. сказуемого — краткого прилагательного (*Несколько статей в этом сборнике интересны*). Дело в том, что, несмотря на свою «сказуемость», краткие прилагательные безразличны к свойственной глаголам процессуальности, поэтому критерий деятельности / бездеятельности к ним неприменим. Будучи именами, в рассматриваемых случаях они ведут себя как существительные, то есть согласуются по смыслу, ориентируясь на факты денотативной единичности / неединичности субъектов ситуации: *несколько статей* семантически коррелирует с формой мн. ч. *статьи*, а не с формой ед. ч. *статья*. Этим и объясняется правильность мн. ч. кратких прилагательных в *Несколько статей интересны* и невозможность ед. ч. в *Несколько статей интересна**. По этой же причине форма *интересно* в таком сочетании может встречаться очень редко, гораздо реже глагола, ср. *Несколько статей интересно (?)* и *Несколько статей меня заинтересовало*.

Очевидно, что для употребления мн. ч. сказуемого носителю языка нужно убедиться в проявлении множественности в подлежащем. Эта множественность обнаруживается по-разному. Так, субъекты ситуации могут быть неподвижными, но издающими звуки — тогда неединичность субъектов обнаруживается благодаря восприятию количества их голосов, например *Десятка два громко кричащих мальчишек сидят*

на трибуне. Субъекты ситуации даже могут спать, но во сне двигаться, например *Большинство курильщиков спят, постоянно ворочаясь*, — в этом случае множественность со всей очевидностью замечается благодаря движению. Однако звуковые волны (например, при крике мальчишек) — тоже своего рода движение. Такая «множественность в движении» и воспринимается в первую очередь. По данным психологов, все живые организмы на движение реагируют прежде всего, особенно «если объект движется прерывно и является звучащим, вызывающим слуховую ориентировочную реакцию» [Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968: 73] (о том же пишут Р.Л. Грегори и Т. Бауэр [Грегори 1970: 101; Бауэр 1985: 230]). Р.Л. Грегори, как специалист в области зрительного восприятия, даже приводит примеры, свидетельствующие о том, что восприятие движения — жизненно важная потребность: «...лягушка, окруженная мертвыми мухами, погибнет от голода...» [Грегори 1970: 250]. Ученый также полагает, что само «зрение развилось, вероятно, из реакции на движущиеся по поверхности кожи тени — сигнал близкой опасности» [Грегори 1972: 11].

Вряд ли можно найти лучшие доказательства правильности деятельностного критерия восприятия множественности с категоризацией в «левом мозге» (два исключения мы оговорили выше). Этому «восприятию с категоризацией» диспозитивно противопоставлена альтернатива: невосприятие «левым мозгом» множественности при отсутствии деятельности, когда бездействующие субъекты ситуации воспринимаются «правым мозгом» как гештальтное целое. Во втором случае восприятие является синкретичным (СВ), но оно тоже по-своему востребовано: необходимостью в создании «правым мозгом» целостного статичного образа, в коммуникативном отношении ценного самого по себе.

4.3. Согласование русского предикативного имени с подлежащим

Нечто алгоритмически похожее на описанную выше дифференциацию обнаруживается в случаях вариантности конструкций с именительным предикативным (обратным согласованием), например *Он был сапожник*, и с творительным предикативным, например *Он был сапожником* (согласовательная аналогия наблюдается и при другой падежной оппозиции, но только с прилагательным: *Его привели пьяного* — *Его привели пьяным*). АИВ это или АДВ — ясно далеко не сразу. Противоречие двух именительных падежей в одной глагольной конструкции в случае с именительным предикативным, часто мешающее пониманию смысла (например, в *Дворник был солдат* — неясно, кто кем был: русский порядок слов гарантий понимания в таких случаях не дает), и относительно

но невысокая его частотность приводят исследователей к мысли о постепенном вытеснении такого противоречивого явления конструкцией с творительным предикативным [Ломоносов 1952: 564; Булаховский 1958: 300–304; Черных 1962: 302–303, Ломтев 1956: 89–132; Борковский 1965: 360–366; Иванов 1983: 377–378] (это АИВ; кроме того, только конструкцию с творительным предикативным репрезентируют иностранным студентам, изучающим русский язык на подготовительных факультетах). В течение XX века многие исследователи создаваемого именительным предикативным обратного согласования склонялись к тому, что именительный предикативный выражает значение постоянного признака, в то время как творительный предикативный — непостоянного (см., например, [Тимберлейк 1985: 278–282; Бельчиков 2008: 229]) (это проявление АДВ). Однако на практике действие этого различительного алгоритма не подтверждалось, что стимулировало новые исследования этого труднообъяснимого явления, иногда заканчивавшиеся отчаянием: отказом от поиска инварианта (см., например, [Никольс 1985]). Между тем аналогия брала свое, и именительный предикативный казался и сейчас кажется — при поверхностном рассмотрении (ПВ) — уходящим под давлением синонимичных глагольных конструкций (АИВ): если *Он был дворник* еще допустимо, то *Он работал дворник** или *Он считался дворник** — уже нет, в этих случаях возможен лишь творительный предикативный.

Однако в 2005 году в журнале «Вопросы языкознания» (№ 4) была опубликована статья Г.М. Зельдовича, в которой он убедительно доказывает, что именительный предикативный (и винительный предикативный для прилагательных) имеет значение статичности, картинности, наглядно-образной фиксированности, которому ученый предложил присвоить термин «наблюденность», в то время как творительный предикативный, называя объект, соотносит его со всем классом подобных объектов. Наиболее убедительное, на наш взгляд, из приведенных автором доказательств состоит в возможности именительного (винительного для прилагательных) предикативного и соответственно невозможности творительного предикативного употребляться в восклицательных (эмоционально окрашенных) предложениях: ср. абсолютную корректность *Ну ты был ма-а-астер! Хоро-о-ошего тебя вчера привели!* и невозможность *Ну ты был ма-а-астером!* Хоро-о-ошим тебя вчера привели!** [Зельдович 2005] (АДВ). Можно, очевидно, опираясь на данные о функциональной асимметрии мозга (см. главу 1 и предыдущий пункт), считать, что именительный (винительный для прилагательных) предикативный с присущим ему значением конкретной, образной, застывшей наблюденности фиксируется правым полушарием мозга (и закономерно

является исторически более ранним, чем его оппонент, — ср. с данными А.Н. Гвоздева о том, что Женей Гвоздевым именительный предикативный употреблялся до 6-летнего возраста при полном отсутствии творительного предикативного, глава 1), а творительный предикативный с присущим ему значением обобщенности всех возможных объектов, один из которых в момент речи обозначается этим падежом, отражается доминантным, категоризирующим левым полушарием, что в целом поддерживает предложенный Г.М. Зельдовичем алгоритм. Понятно, почему в примерах НКРЯ именительный предикативный встречается гораздо реже своего «творительного оппонента»: редки сами ситуации «наблюденности», в том числе эмоционально-восклицательной. Однако в силу их хоть в какой-то мере существования, а значит в силу имеющейся коммуникативной потребности в обозначении именно такого восприятия, можно предположить, что совсем — именительный (винительный для прилагательных) предикативный не исчезнет, как не исчезает лишь на словах обрезаемый кодификаторами на исчезновение по причине низкой частотности родительный падеж (бывший партитив) типа *чаю* (с этого места и до конца абзаца позволим себе небольшое отступление в сферу синтаксического управления). Не исчезают формы род. п. типа *чаю* потому, что в современном языке они получили коммуникативно востребованное значение неопределенного количества вещества. В настоящее время в *Давай выьем чаю* форма *чаю* никогда не меняется на форму *чая*, поскольку, в отличие от употребления в сочетаниях с обозначением меры (*чашка чая*), имеет значение указанной неопределенности количества вещества, ведь количество чая, который после принятия указанного предложения будет выпит, обычно заранее неизвестно. Это тоже АДВ (подробнее — см. [Попов 2008]).

4.4. Согласование в числе препозитивного сказуемого с однородными подлежащими

При сочетании препозитивного сказуемого с однородными подлежащими (особенно неодушевленными) древнерусский синтаксис демонстрирует в основном ПВ: сказуемое согласуется в ед. ч. с первым (то есть ближайшим к нему) подлежащим, если оно тоже имеет форму ед. ч., словно не замечает следующее за ним второе подлежащее, позволяющее понять, что раз подлежащих два, то семантико-грамматически это уже больше одного (примеры см. ниже).

А.А. Шахматов допускает и мн. ч. сказуемого в таких случаях, видя в этом «согласованность не грамматическую, а смысловую» [Шахматов 1941: 253–254]. Из этого следует, что согласование сказуемого с одно-

родными подлежащими в ед. ч. А.А. Шахматов считает грамматическим, что вряд ли корректно, поскольку такое согласование наблюдается только с первым, то есть ближайшим, подлежащим, в то время как второе (третье и т. д.) по перцептивному закону близости просто не воспринимается. Грамматичность при таком понимании выглядит весьма избирательной.

Л.А. Булаховский говорит о ед. ч. сказуемого в таких случаях, но осознает его неестественность: «В языке Летописи (Повести врем. лет) сказуемое перед двумя подлежащими употребляется в единственном числе, т. е. как бы согласуется только с первым подлежащим: *И рече Свенелд и Асмолд...* Наоборот, в постпозитивном употреблении в подобных случаях ожидаемое двойственное число: *Святополк и Володимер посла-ста к Олгови*» [Булаховский 1958: 316].

Ф.И. Буслаев, приведя пушкинские примеры употребления формы ед. ч. сказуемого перед однородными подлежащими: *исчезла ревность и досада; поднялся в поле треск и звон; был слышен падших скорбный стон и русских витязей молитвы*, — замечает: «Так свойственно нашей речи это согласование, что в большей части приведенных здесь примеров было бы весьма неприятно слуху и противно употреблению мн. число сказуемого, хотя и согласное с законами логического сочетания понятий. Особенно необходимо единственное число сказуемого при двух или нескольких подлежащих синонимических; напр., «*и будет тогда тебе великий срам и стыд*», Жук.» [Буслаев 1959: 447]. Показательно, что Ф.И. Буслаев, нередко упрекаемый в чрезмерном логицизме, в данном случае не только не настаивает на логичной форме мн. ч. сказуемого, но и считает нормальным логически неприемлемый плеоназм *срам и стыд*, хотя из него он именно логическим путем выводит, что ед. ч. здесь нужно потому, что у слов *срам* и *стыд* (ср. с приведенными выше *пьяницей и пропойцей*, а также с отрывком из «Мойдодыра» К.И. Чуковского: *а нечистым трубочистам — стыд и срам, стыд и срам*) — значение на самом деле одно.

М.В. Ломоносов в середине XVIII века считал допустимым ед. ч. сказуемого даже в постпозиции к однородным подлежащим: *взгляды, рѣчь и учтивость часто обольщает* [Ломоносов 1952: 556].

В.И. Чернышев высказывается по этой проблеме крайне осторожно: «При нескольких подлежащих сказуемое слитного предложения, по логическому смыслу речи, должно бы всегда стоять во множественном числе, но оно очень часто встречается и в единственном. Последнее употребление является неотъемлемым свойством нашей речи и никак не должно считаться неправильным» [Чернышев 1970¹: 590] (в данном случае В.И. Чернышев не признаёт идею эволюции языка, хотя обычно весьма активно отстаивает противоположную точку зрения — см. часть «Вместо введения»).

В современной письменной речи препозитивное сказуемое согласуется с однородными подлежащими только во мн. ч. (АИВ) — на этот факт еще в 1976 году указал В.А. Ицкович [ГИК: 39]. Однако рекомендация Д.Э. Розенталя употреблять сказуемое в единственном числе, если это сказуемое находится в препозиции к определяемым однородным подлежащим [Розенталь 1977: 209] (именно согласно этой рекомендации был использован пример *изучалась математика и химия*, показанный нами в части «Вместо введения» и первых трех главах), поддержанная его последователями [Солганик 2010: 198; Голуб 2007: 378–379; Бельчиков 2008: 246–247], продолжает существовать, смущая умы наблюдательных носителей русского языка, хотя примерами современной письменной речи, в частности из НКРЯ, почти не подтверждается. В устной речи ПВ в случае препозиции сказуемого более оправданно: начиная фразу со сказуемого, говорящий действительно не всегда может знать заранее, одно или не одно подлежащее ему понадобится: *Придет Петя... ах да, и Дима*.

4.5. Согласование в числе сказуемого с сочетанием именительного и творительного общности

Что касается сочетаний именительного с творительным общности (творительным социативным) при их согласовании в числе со сказуемым (в любой его позиции), например *Едет / едут отец с матерью; Иван с Петром пошел / пошли в кино*, то, по свидетельствам историков языка, «все словосочетание служило подлежащим, сказуемое согласовывалось с ним как правило во множественном числе» [Историческая грамматика... 1978: 23] (АИВ). Об этом сообщают также Ф.И. Буслаев и В.И. Чернышев [Буслаев 1959: 448; Чернышев 1970¹: 589–590]. О том же пишет А.Н. Стеценко, обращая внимание на то, что для ед. ч. сказуемого важно, чтобы «лицо, обозначаемое творительным падежом», являлось «второстепенным, сопутствующим первому» [Стеценко 1977: 52–53].

Такому, на первый взгляд — парадоксальному, древнерусскому явлению (*едет Иван и Петр, но едут Иван с Петром*) есть объяснение.

В первом случае — в конструкции с соединительным союзом *и* — говорящий недальновидно воспринимал лишь ближайшее подлежащее (ПВ) потому, что в дальнейшем союз *и* и следующее за ним другое подлежащее могут и не обнаружиться; более того, союз *и* может быть постпозитивным (см. об этом ниже) и вовсе не требовать после себя продолжения, то есть являться возможностью продолжения, реализация которой факультативна. С союзом *и* наблюдается и такая странность: «В поздних памятниках (XVI–XVII вв.) встретились любопытные слу-

чаи соединения именительного и творительного социативного союзом *и*: *И бишася мало, и побѣже князь велики и с матерью во Тверь*» [Историческая грамматика... 1978: 23]. Очевидно, в этих случаях наблюдается контаминация (СВ) конструкций *князь великии с матерью* и *князь велики и мать* по причине их семантического тождества (о таком смысловом восприятии свидетельствует и ед. ч. сказуемого *побѣже*, которое возможно в конструкции с союзом *и*). Во втором случае — благодаря творительному падежу, соединенному с предыдущим словом «жесткой сцепкой» посредством предлога *с*, который никогда не оказывается в постпозиции и потому не бывает факультативной возможностью присоединения творительного падежа, — говорящий быстрее замечает семантическую неединичность такой сцепки и логично согласует с ней сказуемое во мн. ч.

Однако в современном русском языке возможны оба числа сказуемого в таких сочетаниях. Традиционно они дифференцируются по признаку «равноправности / неравноправности субъектов действия» [Розенталь 1977: 204–205], коррелирующему с признаком деятельности / бездеятельности субъектов ситуации — см. пункт 4.2: *В деревню поехал брат с сестренкой* — сестренка находится при брате, то есть бездеятельна, и *Из последних сил поддерживая друг друга, брат с сестренкой дошли до больницы* — оба субъекта действуют (АДВ).

4.6. Согласование в числе сказуемого в придаточных, относящихся к словам *все* и *те* в составе главных предложений

С давних пор в русском языке употребляются варианты согласования в числе типа *все, кто работает* — *все, кто работают* и *те, кто работает* — *те, кто работают* (приведенные далее по этому поводу сведения отчасти отражены в [Попов 2006]). Вопрос выбора (АДВ или АИВ) числа сказуемого в рассматриваемых конструкциях является одним из наименее изученных.

В 1976 году в первом издании словаря «Грамматическая правильность русской речи» В.А. Ицкович опубликовал результат статистического анализа употребления первой пары из указанных вариантов (см. эту словарную статью во втором издании — [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 40]) и показал, что в современном русском языке в вариантах типа *все, кто работает* — *все, кто работают* ед. ч. сказуемого преобладает в 96,78% случаев. Следующим, более широким, но тоже не объясняющим, а исключительно констатирующим описанием употреблений подобных вариантов является справочник [Бельчиков 2008: 256–257]. В.А. Ицкович обратил внимание на специфику местоимения *кто*.

Она состоит в непреходящей семантической, в самой форме *кто* грамматически не выраженной, то есть имплицитной, предрасположенности к мужскому роду и единственному числу. Указанная предрасположенность *кто* находит подтверждение в единственном числе и (в прошедшем времени) мужском роде согласующегося с ним сказуемого даже в случаях очевидных грамматических противоречий. Например, *Кто пришел — Вера или Машиа?* Здесь грамматике соответствовала бы форма женского рода сказуемого — *пришла*. Именно она и напрашивается, и очень не нравится в *Кто из спортсменок к финишу пришла первой?* (пример, рекомендуемый в [Бельчиков 2008: 256] в качестве допустимого), так как здесь, в отличие от *Кто из спортсменок победил?* (и уж никак не *победила**), особенно сильно сказывается податливость рода слова *первая*. Однако в узусе такие грамматически некомфортные конструкции обычно заменяются синонимичными комфортными, например *Какая / Которая из спортсменок к финишу пришла первой?* или *Какая спортсменка к финишу пришла первой?* «Числовой» пример: *Кто пел / поет — эти двое или те пятеро?* Здесь грамматически требуется форма множественного числа сказуемого — *пели/поют*. Тем не менее в приведенных примерах число сказуемого вариантов не предполагает: сказуемое всегда стоит в единственном числе, задаваемом нацеленным на единичность местоимением *кто*. В конструкциях же *все, кто работает — все, кто работают* и *те, кто работает — те, кто работают* вариативность числа сказуемого обнаруживается. Однако для первой из этих пар вариантов можно констатировать большую ее вариативность в прошлом (при этом ед. и мн. ч. сказуемого встречаются у одних и тех же авторов, например Василия Гроссмана и Александра Солженицына, в одних и тех же контекстах — см. НКРЯ) и постепенное уменьшение вариативности ближе к настоящему времени.

Обращает на себя внимание тот факт, что элементы *все* и *те* объединяет понятие множественности, которое, в свою очередь, позволяет нам привлечь к изучению затронутой здесь проблемы понятие кванторности, в соответствии с которым сущности можно рассматривать в виде множеств — шкал значений. Как известно, логические кванторы делятся на два вида: кванторы общности (различные значения шкалы между крайними полюсами *всё — ничего*) и кванторы существования (различные скалярные значения между крайними полюсами *есть — нет*). Констатируем, что среди рассматриваемых здесь элементов контекстов присутствует квантор общности — *все*, замыкающий шкалу общности в верхнем значении. Что касается *те*, то оно не кванторно, а указательно: указывает на определенное множество на шкале.

Если, как было отмечено выше, местоимение *кто* семантически predisposed к единственному числу и в подавляющем большинстве случаев в построениях *все + кто + сказуемое* обуславливает ед. ч. сказуемого, нам остается только сделать грамматически парадоксальный вывод: в качестве аргумента для семантического взаимодействия с квантором *все* местоимение *кто* «видит» в семантике такого квантора не множественность, а единичность. Дело в том, что квантор *все* включает все точки шкалы, а значит, включает их не только «все вместе», но и «каждую в отдельности». Обратим внимание на семантическую сопоставимость кванторов *все* и *каждый*, несмотря на формально-грамматическое их различие в числе. По семантике результата они равны, но характеризуют одну и ту же шкалу общности с разных сторон. *Все* делает это снаружи, идя в направлении от общего к частному, а именно от общего целого шкалы к ее частным, точечным значениям. *Каждый* характеризует шкалу изнутри, но непременно идя в направлении от частного к общему, то есть от частных, точечных значений шкалы к ее общему целому, состоящему из таких точечных значений. Об этом свидетельствуют и встречающиеся в языке устойчивые и, при первом рассмотрении, семантически избыточные сочетания вроде *для всех и для каждого, все вместе и каждый в отдельности*, и возможность сочетаемости квантора *каждый* со связкой *кто + сказуемое: каждый, кто работает*. Семантическое различие между типами *все, кто работает — все, кто работают* и *каждый, кто работает* относительно тонко: оно состоит именно во взаимной, встречной направленности двух «векторов зрения» на одной шкале общности. Следовательно, семантически нацеленное на единичность *кто* «видит» квантор *все* дискретным — как множество однородных составляющих, относясь к каждой такой составляющей как к единице и этим мотивируя единственное число связанного с ним сказуемого.

Единственное стойкое исключение из этого правила составляют употребления субстантивированного прилагательного или обычного существительного в качестве сказуемого или именной его части, например *Все, кто другие, — езжайте к себе* (цитата из произведения Виктории Токаревой «Своя правда», взята из НКРЯ) или *Все, кто являются другими, — езжайте к себе; Все, кто друзья, — приезжайте в гости*. Это, как и в случае согласования кратких прилагательных с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием (см. пункт 4.2), объясняется тем, что функция сказуемого не является главной функцией субстантивов, поэтому они не позволяют *кто* увидеть *все* состоящим из *каждый* и в присущей им манере согласования формально уподобляются имеющему мн. ч. субстантиву *все* (это АИВ).

Аналогичный вышеизложенному подход к вариантам типа *те, кто работает* — *те, кто работают* позволяет заметить следующее. Отмеченная нами ранее неканторность (указательность) *те* нейтрализует способность единичного *кто* «увидеть» *те* дискретным (состоящим из *каждый*). Способность *кто* «увидеть» *те* состоящим из *тот* не имеет в данном случае решающего значения, ведь указатель *тот* имеет иную скалярную характеристику, нежели соотносящийся с *все* кантор *каждый*. *Те* (через *тот*) указывает на шкале от двух до некоего множества точек, которое может быть сколь угодно близким к множеству, обозначаемому *все* (через *каждый*), но никогда с ним не совпадет, ибо *тех, кто* всегда меньше, чем *всех, кто*. Семантическая непарность *все* и *те* состоит и в том, что *тот* для *те* — грамматический коррелят, в то время как *каждый* для *все* — семантический (грамматический коррелят мужского рода единственного числа для *все* — *весь*).

Наблюдения над устной и письменной речью показывают, что в конструкции *те + кто + сказуемое* (с именительным падежом у *те*) во мн. ч. сказуемое встречается гораздо чаще, чем в конструкции *все + кто + сказуемое*. Очевидно, что согласование сказуемого во мн. ч. в данном случае обусловлено, с одной стороны, нейтрализацией единичной семантики *кто* неканторностью *те*, а с другой — формой им. п. (функцией подлежащего) у субстантива *те*. Этим же объясняется мн. ч. сказуемого в примерах типа *Последние, кто ушли, заперли двери клуба* (не имеющий объяснения пример из [Бельчиков 2008: 256]): *последние* — некантор. То есть при отступлении семантических факторов наблюдается укрепление факторов грамматических. Ед. ч. сказуемого в таких случаях (*те, кто работает*) логичнее объяснить влиянием структурно близкого типа *все + кто + сказуемое*, нежели активностью единичной семантики *кто*. Поскольку грамматические закономерности убедительнее формальных влияний, в конструкции *те + кто + сказуемое* (при прямом падеже у *те*) мн. ч. сказуемого выглядит предпочтительнее. В построениях же, где *те* имеет форму косвенного падежа, вариантов числа сказуемого не возникает — сказуемое всегда имеет форму ед. ч.: *тех, кто работает; тем, кто работает; теми, кто работает*. На наш взгляд, это объясняется отсутствием коррелирующего со сказуемым им. п. у *те* и более сильным влиянием частотной конструкции *все + кто + сказуемое*, поскольку формы *всех, всем, всеми* и *тех, тем, теми* имеют больше звуковых и графических совпадений, чем формы *все* и *те*. Таким образом, выбор числа сказуемого для *все, кто* обусловлен АИВ, а для *те, кто* — АДВ.

4.7. Согласование в роде с субстантивом, обозначающим профессию (должность, род занятий)

Достаточно долго господствовавшее, в том числе в русской истории, гендерное распределение социальных ролей привело к тому, что большинство названий лиц по профессии (должности, роду занятий) — существительные мужского рода. Грамматически логично согласовывать с ними глаголы и прилагательные в м. р.: *Пришел новый директор* (формы мн. ч., как нивелирующие родовые различия, например *Пришли новые директора*, мы не рассматриваем). Но со сравнительно недавним — эмансипированным — обретением мужских профессий (должностей, родов занятий) женщинами ситуация постепенно меняется: появляется АИВ. При этом сами названия-существительные показателей женского рода почти не используют: суффиксация часто дает значения, стилистически окрашенные не в пользу женщин: *директорша, врачиха*, — кроме случаев, когда профессия (должность, род занятий) является либо преимущественно, либо в значительной мере женской: *певица, учительница*. Однако в ж. р. начали употребляться прежде всего глаголы, разумеется в форме прош. вр. (*Пришла новый директор*), а затем и — консервативные в силу формальной близости к существительным — прилагательные, но — с двумя ограничениями.

Во-первых, с ограничением стилистическим: согласование прилагательного с такими существительными возможно только в разговорной речи: *Пришла новая директор*. Попытки преодолеть мужское оформление названий лиц по профессии (должности, роду занятий) деривационно-флексивным путем без стилистической сниженности (*новая директриса, уважаемая деканесса*) при всей комфортной непротиворечивости по роду пока (?) не привели к употреблению этих названий в научном и официально-деловом стилях [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001:127–136]. Например, хорошо известно, что А.А. Ахматова не одобряла применение к ней номинации *поэтесса*, считая себя *поэтом*.

Во-вторых, «прорыв» семантического согласования в область таких сочетаний не может охватить их употребления в косвенных падежах: ср. невозможность *видел новую врача**, *поздравлять уважаемую директора**. Это объясняется тем, что флексии таких падежей, в отличие от нулевой флексии существительных м. р. ед. ч. им. п., демонстрируют противоречие словоизменительных парадигм: достаточно разнообразной падежной парадигмы существительных м. р. ед. ч. и унифицированной падежной парадигмы прилагательных ж. р. ед. ч. По этой причине сочетание *уважаемая директор* выглядит не так противоречиво, как *уважаемой директора**, *уважаемой директору**, *уважаемой директором**, *уважаемой директоре**.

4.8. Согласование в числе атрибутива с однородными субстантивами и субстантива с однородными атрибутивами

Это императивные варианты согласования, находящиеся в стадии преобразования: в обоих указанных случаях наблюдается постепенное преодоление ПВ при АИВ, то есть носители языка прилагательное (причастие) или существительное начинают воспринимать как имеющее отношение более чем к одному соответственно характеризуемому предмету или характеризующему признаку. Причем такой прогресс восприятия обнаруживается достаточно давно.

Так, М.В. Ломоносов фиксирует современное ему (середины XVIII века) употребление: «Соединенные существительные имена требуют имен прилагательных, местоимений и причастий множественных: *Касторъ и Полуксъ, рожденные от Леды; любезные мои Цицерон и Вергилий*. Однако нередко единственное число с ближним существительным согласно склоняется: *мой отецъ и мать; брат и сестра моя*» [Ломоносов 1952: 554].

Ф.И. Буслаев считает, что *Белое и Черное море* — «приличнее речи разговорной и безыскусственной; — во множественном же, по большей части, принадлежит языку книжному, более обдуманному. ... Если одно определительное стоит при двух или нескольких определяемых, то, по большей части, согласуется в роде и числе с ближайшим; напр. *«русский ум и сердце», «русское сердце и ум*». Иногда полагается и во множественном при определяемых ед. ч.; напр. *«старшие сын и дочь»*» [Буслаев 1959: 450]. Такого же мнения придерживается В.И. Чернышев [Чернышев 1970¹: 591–592].

А.А. Шахматов приводит примеры из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», свидетельствующие о полном согласовании в числе в обеих комбинациях: *скотный и конный дворы; Рязанскую, Тульскую и Калужскую дороги; соблюдение степенности и медлительности, свойственных взрослым людям; приготовленные большая вилка и лопаточка* [Шахматов 1941: 304].

В последние полвека из одного ортологического пособия в другое «кочует» тургеневский пример *Дикий гусь и утка прилетели первыми* (ПВ). Известна история о заместителе министра культуры СССР, позвонившем на кафедру русского языка факультета журналистики МГУ, чтобы выяснить, правильно ли название журнала *«Советская эстрада и цирк»*, ведь с логической точки зрения *цирк* в этом сочетании — не советский. Чиновника успокоили не столько тургеневским примером *дикий гусь и утка*, сколько красноречивым партийным свидетельством: *«Советская*

печать, радио и телевидение» [Говорим по-русски... 2009]. У русистов имеется и свой «неловкий» пример: *русский язык и литература*.

Тургеневский пример о *диком гусе и утке* хрестоматиен. При его помощи сформулированная Д.Э. Розенталем установка — единственное число прилагательного возможно, если понятно, что оно относится к обоим существительным [Розенталь 1977: 220–221], — повторяется всеми последователями ученого [Солганик 2010: 202–203; Голуб 2007: 384–385; Бельчиков 2008: 273–274]. Но почему должно быть «понятно», что в данном примере утка тоже дикая? Потому что она прилетела так же, как гусь, то есть умеет летать? Но ничто не препятствует восприятию ее как домашней утки с необрезанными крыльями.

Д.Э. Розенталь, подтверждая идею языковой нормативности такого нелогичного согласования, ставит в пример читателям эмоциональную реакцию Д.Н. Овсянико-Куликовского (в книге «Руководство к изучению синтаксиса русского языка») на предложение *Я давно не видал моих брата и сестру*: «Это не по-русски и режет ухо» [Овсянико-Куликовский 1907: 29; Розенталь 1977: 220]. Однако жесткая позиция Д.Н. Овсянико-Куликовского выглядит крайне субъективной, поскольку по неясным для нас причинам не воспринимает или сознательно игнорирует мнения по этому поводу его предшественников, например М.В. Ломоносова и Ф.И. Буслаева, а также многих современных ему носителей языка, считающих нормальным грамматическое отражение в прилагательном количества определяемых им сущностей.

Так, современник Д.Н. Овсянико-Куликовского В.И. Чернышев в работе «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (первое издание — 1909 года), процитировав то же эмоциональное высказывание Д.Н. Овсянико-Куликовского, мягко обращает внимание на то, что в таких случаях «и множественное число иногда необходимо по смыслу речи: «Со мной ехали *богатые* купец и помещик»; «У меня есть *ленивые* ученик и ученица». Здесь форма единственного числа не определила бы второго слова» [Чернышев 1970¹: 591–592].

Другой известнейший современник Д.Н. Овсянико-Куликовского А.А. Шахматов в вышедшем в 1925 и 1927 годах «Синтаксисе русского языка» примерами из Л.Н. Толстого (см. выше) опроверг максимализм Д.Н. Овсянико-Куликовского.

Поэтому непонятно, почему основанный на поверхностном восприятии (с ориентацией на ближайший объект — согласно перцептивному закону близости) императив Д.Н. Овсянико-Куликовского Д.Э. Розенталем был воспринят, а опирающиеся на живые примеры противоположные

мнения М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева, В.И. Чернышева и А.А. Шахматова — нет. По мнению Д.Э. Розенталя, «из двух вариантов: *Мой отец с матерью* приехали сюда и *Мои отец с матерью* приехали сюда предпочтительнее первый» [Розенталь 1977: 220] (сочетания им. п. и тв. п. общности мы считаем «однородными субстантивами» только в значении «семантической однородности», то есть того, что Д.Э. Розенталь называет «равноправием» — см. пункт 4.5). По какой причине первый вариант предпочтительнее — автор не объясняет. Примеры НКРЯ показывают, что современные носители языка не руководствуются рекомендацией Д.Э. Розенталя в отношении употреблений *мой отец с матерью* при равном социальном статусе родителей или указанием правильности конструкции *мой брат и сестра* от Д.Н. Овсянико-Куликовского.

Поскольку нелогичность наблюдается только в случае препозиции прилагательного или глагола к определяем существительным и чаще в речи устной, то есть неподготовленной, логично заключить, что в этих случаях, как и в случае сочетания однородных подлежащих с препозитивным сказуемым (см. выше), говорящий фиксирует свое внимание на ближайшем существительном (ПВ) лишь потому, что не замечает второе существительное, следующее за ближайшим (объяснение этого явления, отчасти опирающееся на данные, приведенные в главах 1–3, — см. в [Попов 2012¹]).

Изучение узуальных примеров позволяет заметить, что «близорукое препозитивное согласование в числе» (ПВ) уже преодолевают прилагательные качественные: употребления типа *испуганные гусь и утка*, *замечательные эстрада и цирк* встречаются чаще включающих прилагательное в ед. ч. в таких случаях. Наибольший консерватизм обнаруживают прилагательные относительные, по своей природе «указательные», то есть менее абстрактные, чем прилагательные качественные. Тем не менее, как замечает В.В. Виноградов, «грамматическая граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна» [Виноградов 1986: 175]: развивая качественные значения, относительные прилагательные становятся более абстрактными. Кроме того, весьма показательны примеры НКРЯ, демонстрирующие избегание нелогичности конструкций с препозитивным относительным прилагательным — пусть даже ценой громоздкости конструкции: *русский язык и русская литература* (во всех случаях наблюдается АИВ).